

*Посвящается моему дяде Роберту Элису (Хоппи)
Мы любим тебя, мы тоскуем о тебе и с благодарностью
вспоминаем тебя*

Глава первая

Ее прозвали Могила: любой секрет, личная или просто конфиденциальная информация скрывались в ней навсегда. С ней можно было чувствовать себя в безопасности, с ней ты верил, что тебя не осудят, и даже если осудят, то молча, ты об этом никогда не узнаешь. И при крещении ей досталось идеально подходящее имя — на ее родном языке оно означает «постоянство и верность». Тем мучительнее было навещать ее в таком месте. Физически мучительно, не только душевно: Китти ощущала реальную боль в груди, точнее — в сердце. Боль появилась, едва она решилась на эту поездку, боль нарастала теперь, когда Китти добралась до места, боль стала невыносимой от сознания, что все это не сон и не учебная тревога. Жизнь как она есть. Жизнь, достигнутая недугом. Скоро она будет утрачена, захвачена смертью.

Китти медленно пробиралась лабиринтом частной больницы, преодолевала крутые лестницы, хотя могла бы подняться на лифте, намеренно сворачивала не в ту сторону, любезно пропускала

всех вперед при малейшей возможности, особенно пациентов, передвигавшихся с черепашьей скоростью, опираясь на ходунки и влача за собой шест с капельницей. Она чувствовала на себе взгляды — видно же, человек в растерянности без толку кружится по коридорам. Китти с готовностью ответила бы всякому, кто окликнул бы ее, — все, что угодно, лишь бы оттянуть момент, когда придется войти в палату Констанс. Наконец все отсрочки исчерпались, она достигла тупика, полукруглой площадки с четырьмя дверями. Три двери были приоткрыты, из коридора можно было видеть пациентов и визитеров, но Китти не под силу оказалось заглянуть туда, да и зачем: и не присматриваясь к номерам палат, она догадалась, в какой именно лежит ее наставница и подруга. И была благодарна за последнюю отсрочку — закрытую дверь.

Китти постучала легонько, будто надеясь, что ей не откроют: она все сделала, приехала навестить — и не попала. Дело сделано, она свободна от всего, даже от вины. Та крошечная часть души, что еще не расталась с логикой, напоминала, как глупа и дурна подобная надежда. Сердце билось глухо, подошвы закрипели, когда Китти принялась переминыться с ноги на ногу. От больничного запаха ей делалось дурно. Ужасный запах. Накрыло волной дурноты, Китти глубоко вдохнула и взмолилась: верните мне умение владеть собой, верните то, что якобы дается человеку с годами, — и я сумею пережить эту минуту. Она все еще глядела себе под ноги и отсчитывала размеренные вдохи, когда дверь приоткрылась и Китти, так ни к чему и не приготовившись, оказалась лицом к лицу с медсестрой — и с Констанс, с тем, во что превратилась ее Констанс. Она замор-

гала, но почти сразу же сказала себе: нужно притворяться, Констанс не должна видеть, какое ошеломляющее впечатление производит на гостью. Китти попыталась что-то сказать — на ум ничего не приходило. Ничего забавного, ничего обыденного, вообще ничего, чтобы стоило сказать сейчас человеку, с которым крепко дружили десять лет.

— Впервые вижу — кто такая? — первой нашлась Констанс, французский акцент пробивался в ее речи и после тридцати с лишним лет жизни в Ирландии. Вопреки ее внешнему виду голос оставался сильным, надежным, подбадривающим — как всегда. — Вызовите охрану, пусть ее немедленно выведут.

Медсестра с улыбкой открыла пошире дверь и вернулась к пациентке.

— Я могу попозже зайти, — выдавила из себя наконец Китти. Она отвернулась, чтобы не смотреть на процедуру, но ее взгляд наткнулся на какие-то больничные атрибуты, и Китти сделала еще один полуоборот, отыскивая что-то нормальное, простое, повседневное, на что она могла бы смотреть, притворяясь, будто находится вовсе не в больнице, и нет этого запаха, и ее подруга не умирает.

— Я почти закончила. Осталось только температуру померить, — сказала сестра, засовывая кончик градусника в ухо Констанс.

Китти вновь отвела взгляд.

— Сядь тут, — позвала ее Констанс, указывая на стул возле кровати.

Китти не смела встретиться с ней взглядом. Да, это неприлично, однако ее глаза непрерывно косили, их словно магнитом притягивало то, что не напоминало о больных и болезни. Например, го-стинцы, которые Китти принесла с собой.

— Вот тебе цветы. — И она поглядела по сторонам в поисках сосуда для букета. Констанс терпеть не могла цветы, она оставляла умирать в вазе любые приношения, которые несли ей, пытаясь улестить, извиниться или добавить красок ее офису. Китти прекрасно это знала и все же купила цветы, купила именно потому, что за ними стояла очередь — еще одна желанная задержка на пути.

— Ох ты! — сказала медсестра. — Что ж вас не предупредили, что с цветами в палату нельзя.

— А, хорошо, сейчас я их унесу. — Китти вскочила, с трудом скрывая облегчение, и рванулась к двери.

— Я заберу, — сказала сестра. — Оставлю в регистратуре, заберете с собой домой. Такой красивый букет, не пропадать же ему.

— Зато я кексы прихватила! — Китти вытащила упаковку из сумки.

Медсестра и Констанс снова переглянулись.

— Да вы что? И кексов нельзя?

— Шеф предпочитает, чтобы пациенты питались только больничной едой.

Китти протянула контрабанду сестре.

— Забирайте и их домой! — рассмеялась та, проверяя показатели градусника. — Все в порядке, — с улыбкой сообщила она Констанс, и эти две женщины обменялись понимающими улыбками, словно эти слова значили что-то совсем другое, ну конечно же, они имели какой-то другой смысл, чему тут быть в порядке? Рак пожирал Констанс, волосы после радиотерапии немного отросли, но торчали неровными прядями, под больничной рубашкой выступали ключицы, из обеих рук тянулись провода, трубки, а руки-то исхудавшие, в синяках от уколов и капельниц.

— Хорошо, я про кокаин под дном сумки не проговорила, — сказала Китти, едва за сестрой захлопнулась дверь (та весело рассмеялась уже в коридоре). — Я помню, как ты не любишь цветы, но я растерялась. Чуть было не притащила золотой лак для ногтей, духи и зеркало — типа шутка.

— Вот и принесла бы. — Глаза Констанс все еще сверкали голубыми искрами, и если смотреть только в эти полные жизни глаза, истаявшее тело почти получается не замечать. Почти, но не совсем.

— Да нет, это вовсе не смешно.

— Я бы посмеялась.

— Принесу в следующий раз.

— Это уже будет не смешно. Шутку-то я слышала. Дорогая моя. — Она дотянулась до пальцев Китти и крепко сжала их поверх больничного покрывала. Китти старалась не смотреть на ее руки — тонкие, изболевшиеся. — Я так рада тебя видеть.

— Прости, что задержалась.

— Да уж, добиралась ты долго.

— Пробки... — начала было Китти, но шутка не шла с языка. Задержалась она не на час — на месяц с лишним.

Молчание. Затем Китти догадалась: ей предоставлена пауза, чтобы объяснить, отчего же не приходила раньше.

— Ненавижу больницы.

— Знаю. У тебя нозокомефобия, — ответила Констанс.

— Что это?

— Страх перед лечебными заведениями.

— Не знала, что для этого есть специальное слово.

— Слово есть для всего. У меня две недели нет стула, это, оказывается, «анизм».

— Об этом можно бы написать, — рассеянно сказала Китти.

— Ну уж нет. Работа моей прямой кишки останется тайной между мной, Бобом, тобой и той милой женщиной, которая ухаживает за моей попой.

— Не об этом — о больничной фобии. Это неплохой сюжет.

— Объясни почему.

— Допустим, я найду человека с такой фобией, и он тяжело болен, а лечиться не может.

— Дома будут лечить. Подумаешь, проблема!

— Или у женщины начались схватки, она шагает взад-вперед перед приемным покоем, но никак не заставит себя переступить порог.

— Родит в «скорой», или дома, или на улице. — Констанс пожала плечами. — Однажды я собирала материал о женщине, которая родила в укрытии во время войны в Косово. Она осталась одна, это был ее первенец. Их нашли через две недели, мать и ребенок были вполне здоровы и счастливы. В Африке женщины и вовсе рожают в поле и сразу же возвращаются к работе. У некоторых племен рожают танцуя. В западном мире с роженицами слишком носятся, все устроено неправильно. — Констанс пренебрежительно, с видом знатока, помахала рукой, хотя сама никогда не рожала. — Я писала об этом.

— Врач, который не в состоянии ходить на работу, — все еще не сдавалась Китти.

— Нелепость! Он потеряет лицензию.

Китти рассмеялась:

— Ты, как всегда, спуску не даешь! — Улыбка ее погасла, она впервые по-настоящему увидела пальцы Констанс на своей руке. — А как насчет

эгоистичной женщины, которая никак не решится навестить больную подругу?

— Но ты же пришла, и я очень рада тебя видеть.

Китти сглотнула:

— Ты ничего не сказала об этом.

— О чем?

— Ты знаешь, о чем.

— Не знала, готова ли ты это обсуждать.

— По правде говоря, нет.

— Вот видишь.

Они помолчали.

— Меня полощут в газетах, на радио — везде, — решила наконец Китти.

— Я здесь не получаю газет.

Китти притворилась, будто не замечает стопку на подоконнике.

— Куда бы я ни пошла, все смотрят на меня, тычут пальцами, словно я прокаженная.

— Обратная сторона популярности. Ты же телезвезда.

— Я не телезвезда. Я — идиотка, осрамившаяся на телевидении. Есть разница, а?

Констанс молча пожала плечами, словно разница не так уж и велика.

— Ты не советовала мне идти на телевидение. Скажи теперь: «Я же тебя предупреждала» — и покончим с этим.

— Я никогда так не говорю. От подобных слов никакого толку. — И Констанс снова пожала плечами, ее фирменный жест.

Китти выпустила пальцы Констанс и тихо спросила:

— Работа все еще за мной?

— Пит не поговорил с тобой? — Похоже, Констанс рассердилась на ответственного редактора.

— Говорил. Но мне надо услышать это от тебя. Мне важно услышать это от тебя.

— «Etcetera»¹ по-прежнему желает видеть тебя в своем штате, — без колебаний ответила Констанс.

— Спасибо! — шепнула Китти.

— Я поддержала твоё желание работать на телевидении, потому что знаю: ты хороший репортер, а можешь стать великим. У всех бывают ошибки, у кого-то больше, у кого-то меньше, но никто не безгрешен. И когда такое случается, надо использовать этот опыт, чтобы стать лучшим репортером, а главное, лучшим человеком. Помнишь, какой сюжет ты предложила мне, когда явилась на собеседование десять лет тому назад?

Китти рассмеялась, но ее передернуло.

— Нет, — солгала она.

— Конечно же, помнишь. Ладно, раз ты не хочешь сказать, скажу я: я спросила, если бы тебе прямо сейчас предложили написать статью о чем угодно, какой сюжет ты бы выбрала.

— Не надо, Констанс! Все я помню! — Китти сильно покраснела.

— А ты ответила, — продолжила Констанс, будто ее и не перебивали, — что слышала о гусенице, которая не смогла превратиться в бабочку.

— Да помню я, помню.

— И ты бы хотела узнать, как чувствует себя тот, кого лишили такого чуда. Ты хотела понять, что чувствует гусеница, если у нее на глазах сестры превращаются в бабочек, а она знает, что с ней этого ни-

1 Et cetera — и так далее (*лат.*).

когда не случится. Собеседование проходило в день президентских выборов в США, в тот самый день затонул круизный лайнер с четырьмя с половиной тысячами пассажиров на борту. Из двенадцати кандидатов, явившихся к нам в тот день, ты единственная не заговорила о политике и о лайнере и не выразила желания провести день с Нельсоном Манделой. Тебя интересовала только эта бедняжка гусеница.

Невольно Китти улыбнулась:

— Да, я пришла к тебе напрямик из университета. Травка еще не выветрилась из организма.

— Нет, — прошептала Констанс, снова беря Китти за руку. — На том собеседовании ты сумела убедить меня: ты не боишься летать, ты боишься, что тебе не дано будет оторваться от земли.

Китти с трудом слотнула, подступили слезы. Она так и не взлетела, и уж теперь — вряд ли.

— Некоторые считают, что нельзя действовать под влиянием страха, но если человек не боится, так в чем риск и вызов? Лучшие свои работы я делала, когда признавала свой страх и бросала себе вызов. И вот я увидела молоденькую девушку, страшившуюся, что не полетит, и сразу подумала: «Ага, наш человек!» Потому что в этом суть «Etcetera». Да, мы пишем о политике, но мы пишем о людях в политике, нас интересует их эмоциональный опыт, не только действия, но причины этих действий. Что с ними было в жизни, откуда берется их вера, откуда чувства. И о диетах мы пишем, но не о экологически чистых продуктах и цельных злаках: нам важно *кто* и важно *почему*. Люди, их чувства, их переживания. Пусть продадим меньше, но значим мы больше, — это, конечно, мое личное мнение. «Etcetera» не перестанет публиковать тебя, Китти,

до тех пор, пока ты будешь писать то, во что веришь. Ни в коем случае не пиши по чужой подсказке, если тебе станут говорить: вот, мол, отличный сюжет. Никто не знает заранее, что люди захотят прочесть, услышать или увидеть, читатели и сами этого не знают, сперва прочтут, потом решат. В том-то и суть: создается нечто оригинальное. Надо искать новое, а не перемешать старое и скормить потребителю. — Констанс иронически приподняла брови.

— Сюжет был мой, — негромко возразила Китти. — Некого винить, кроме самой себя.

— В каждом сюжете еще много людей участвует, кроме автора. Сама знаешь: если бы ты с этим пришла ко мне, я бы за это не взялась. А если бы даже — гипотетически — взялась, я бы успела остановить это, пока не стало слишком поздно. Тревожных сигналов хватало, и кто-нибудь из начальства мог бы обратить на это внимание, но раз ты решила взять всю вину на себя, так задай себе вопрос: почему тебе так сильно хотелось раскрыть именно этот сюжет? — Констанс примолкла, и Китти подумала, не ждет ли она немедленного ответа, но Констанс просто собиралась с силами. Через минуту она продолжала: — Однажды я брала интервью у одного человека, и мои вопросы почему-то его веселили, чем дальше, тем больше. Когда я спросила его, в чем дело, он ответил: вопросы гораздо больше говорят об интервьюере, чем об интервьюируемом. В этой беседе он куда больше выяснил обо мне, чем я о нем. Мне это показалось интересным, и тот человек был прав, по крайней мере в том случае. С тех пор я часто думаю, что выбор темы больше говорит об авторе, чем о самой теме. На факультете журналистики нас учат отстраняться от сюжета и сохранять объективность,

но зачастую приходится погружаться в сюжет, чтобы понять, сблизиться, помочь читателям и зрителям проникнуться этой историей, иначе в ней не будет души — такой текст мог бы сочинить и робот. И при этом не впихивать в сюжет свою *позицию*. Об этом я тоже немало думала, Китти. Не люблю, когда журналист использует сюжет как повод изложить свое мнение. Какое нам дело, что думает отдельный человек? Вот народ или все женщины, все мужчины — это мне интересно. Но понимание должно присутствовать в каждом абзаце текста, чтобы читатель ощущал чувство за твоими словами.

Китти предпочла бы не вникать в то, что говорит о ней выбор *этой* темы. Она бы предпочла вообще не говорить и не думать о том сюжете, вот только на ее канал подали в суд и ей самой в ближайшие дни предстояло отвечать по иску о клевете. Голова уже распухла, Китти устала думать об одном и том же, устала перебирать, как же это могло случиться, но внезапно нахлынула потребность в исповеди, потребность попросить прощения за все, что она натворила, — только так ей удастся вернуть себе чувство собственного достоинства.

— Я должна кое в чем признаться.

— Обожаю слушать признания.

— Когда ты приняла меня на работу, я была в таком восторге! И первым делом решила написать ту самую историю про гусеницу.

— Вот как?

— Конечно, я не могла взять интервью у гусеницы, но этот образ послужил бы затравкой для рассказа о людях, которые хотят летать, но не могут. О том, что такое — чувствовать, что ты прикован к земле, крылья обрезаны. — Китти по-

смотрела на Констанс: тело, почти сливающееся с больничной постелью, огромные глаза, и чуть не разрыдалась. Она знала, Констанс понимает ее с полуслова. — Я взялась за расследование... Прости! — Китти зажала рукой рот, пытаясь сдержаться, и все же слезы хлынули. — Выяснилось, что я ошибалась. Эта гусеница, про которую я говорила, которая живет на олеандре, она все-таки потом летает. Она превращается не в бабочку, а в мотылька. — Глупо плакать, но ведь не о гусенице она рыдает, о себе: в тот раз, как и в этот, сюжет выскользнул у нее из рук, но теперь последствия ее упущения катастрофические. — Меня отстранили от эфира.

— Тебе же на пользу. Будешь снова рассказывать свои сюжеты, когда все уляжется.

— Нет у меня больше сюжетов. Я все время боюсь снова провраться.

— Больше такого не случится, Китти. Знаешь, чтобы раскрыть сюжет, чтобы найти истину, как я говорю, не нужно отправляться боевым строем, паля из всех орудий и обличая ложь. И не всегда истина — открытие всемирного значения. Просто доберись до настоящего, до сути.

Китти закивала, шмыгнула носом.

— Прости, я не за тем шла, чтобы говорить о себе. Мне так жаль. — Она подалась вперед, сидя на стуле, уронила голову на постель, стыдясь смотреть Констанс в глаза, стыдясь самой себя: ее подруга тяжело больна, ей хватает о чем беспокоиться, а она и в больничную палату свою ерунду притащила!

— Тшш, — шепнула Констанс, ласково проводя рукой по волосам Китти. — Такая концовка мне еще больше нравится. Значит, бедная гусеница все-таки поднимется в воздух.

Китти подняла голову и увидела, какое измученное у Констанс лицо.

— Ты как? Позвать сестру?

— Нет-нет. Иногда находит, — ответила Констанс. Веки ее отяжелели, накрыли глаза. — Немножко посплю и снова буду в порядке. Ты не уходи, нам еще о многом нужно поговорить. Например, о Глене. — Она с усилием улыбнулась.

Китти кое-как улыбнулась в ответ.

— Спи, — шепнула она. — Я тут рядом посижу.

Констанс всегда умела читать по лицу Китти, любую ее ложь угадывала в тот же миг.

— Не беда, он не особо мне нравился.

И ее веки сомкнулись.

Китти присела на подоконник в палате, смотрела, как проходят внизу люди, прикидывала, каким путем возвращаться домой, чтобы никому не попадаться на глаза. Звуки французской речи вывели ее из транса, она оглянулась в изумлении: Констанс только ругалась на родном языке, сверх того за десять лет знакомства Китти не слышала от нее ни одного французского слова.

— Что ты сказала?

Констанс не сразу переключилась. Откашлялась, собралась с мыслями.

— Ты была где-то далеко.

— Думала о том о сем.

— Я давно хотела тебя спросить... — Китти вернулась на стул возле постели Констанс.

— О чем? Почему у нас с Бобом нет детей? — Констанс приподнялась и взяла поильник, выпила глоток через соломинку.

— Это понятно: у тебя и растения засыхают на корню, что бы ты с ребенком делала? Нет, я хо-

тела спросить, попался ли тебе сюжет, о котором ты бы хотела написать, но по той или иной причине так и не написала?

Констанс сразу же загорелась.

— Отличный вопрос! И кстати, это само по себе — сюжет. — Она внимательно посмотрела на Китти. — Расспросить старых писателей о тех сюжетах, которые ускользнули? А? Что скажешь? Я поговорю насчет этого с Питером. Или обратиться к авторам, которые уже отошли от дел, попросить написать для журнала тот рассказ, который они так и не написали. Ойсин О'Келли, Оливия Уоллес — дать им возможность рассказать свою историю. Можно сделать отдельный выпуск.

— Ты хоть иногда тормозишь? — невольно рассмеялась Китти.

Послышался негромкий стук в дверь, вошел Боб, муж Констанс. Вид у него был усталый, но при виде жены в глазах загорелся теплый огонек.

— Привет, дорогая. Китти, и тебе привет. Хорошо, что ты с нами.

— Пробки, — тупо повторила Китти.

— Знаю, как оно бывает, — улыбнулся он и, подойдя вплотную, поцеловал Китти в макушку. — Меня тоже порой что-то задерживает, но лучше поздно, чем никогда. — Он оглянулся на Констанс, та гримасничала, напряженно размышляя. — Пытаешься сходить по большому, любовь моя?

Констанс рассмеялась:

— Китти спросила меня, какую историю я всегда хотела написать, но так и не написала.

— Вот оно что. Не заставляй ее думать, доктора не велят, — усмехнулся Боб. — Но это хороший вопрос. Дай угадаю: это когда в Антарктиде разлилась